АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XV

А. БОЛДУР

Троян «Слова о полку Игореве»

1

Едва ли имеется в области истории русской литературы другой вопрос, который вызвал бы к себе столь повышенный интерес, как вопрос о Трояне, упоминаемом в «Слове о полку Игореве». В связи с ним появилась огромная исследовательская литература, в которой даны самые разнообразные и интересные толкования. Множество авторов занялось расшифрованием ставших широко известными четырех мест «Слова» о Трояне, и их работы поднимают нас до высот мифологических представлений древнеязыческого времени или спускают в самую гущу событий исторической действительности.

Борьба мнений идет вовсю, как если бы мы присутствовали на средневековом турнире, куда являются рыцари, чтобы сразиться, имея при себе хорошо отточенное оружие.

Последним по времени отражением этой борьбы является напечатание в «Сборнике исследований и статей» о «Слове о полку Игореве» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц [1] двух статей, принадлежащих двум видным представителям исторической науки — Д. С. Лихачеву и М. Н. Тихомирову.

Первый автор, останавливаясь на четырехкратном употреблении слова Троян в упомянутом литературном памятнике («рища в тропу Трояню», «вечи Трояни», «встала обида девою на землю Трояню», «на седьмом веце Трояни»), замечает: «Во всех этих значениях слово Троян может быть удовлетворительно объяснено только в том случае, если мы допустим, что под Трояном следует разуметь какое-то русское языческое божество».[2]

При этом автор ссылается на упоминание имени Трояна как языческого бога в памятнике письменности XII в. «Хождение Богородицы по мукам». Там упоминаются как боги Троян, Хърс, Велес и Перун.

Второй автор пишет: «По Слову о полку Игореве получается так, как будто земля Трояна помещалась у Дона».[3] В самом деле, в «Слове» читаем: «Въстала обида в силах Дажь-Божа внука. Вступил[а] девою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону плещучи, убуди жирня времена».[4] Дается связная картина действия обиды,

---

[1] М—Л., 1950 (далее: «Слово о полку Игореве». Сборник).

[2] Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 5—52.

[3] М. Н. Тихомиров. Боян и Троянова Земля. — «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 184.

[4] Кроме известного издания «Слова о полку Игореве» А. С. Орлова (М.—Л., 1946, стр. 69—70) и текста «Слова», помещенного в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Т. Бархударова (т. 1, М., 1952, стр. 209—221), я пользовался еще пятой главой («Содержание и композиция „Слова о полку Игореве“») ра-

где деепричастие «плещучи» тесно связано с указанием на место действия обиды (Дон), благодаря чему читатель выносит определенное впечатление, что земля Трояна — русская земля.

Чтобы преодолеть локализацию «Трояновой земли» у Дона, автор предлагает вышеприведенный текст разбить на три параллельных предложения, а именно: 1) обида встала в силах Дажь-Божа внука, 2) вступает девою на землю Трояню, 3) плещет лебедиными крылы на синем море у Дону. «В этом случае, — добавляет автор, — Дон не будет иметь отношения к Трояновой земле, и нет оснований пересматривать вопрос о земле Трояновой как о земле Придунайской».

В подтверждение своего мнения автор прибегает к косвенным доказательствам: образ Трояна не был чужд древнерусскому фольклору, сказания о Трояне были распространены в придунайских землях, в Болгарии и Молдавии, ссылается также на Троянову топонимию и т. д.

В этом сопоставлении в одном и том же сборнике двух статей, придерживающихся в вопросе о Трояне диаметрально противоположных взглядов, сказывается прежняя борьба двух течений в этом вопросе: одно в пользу языческого бога Трояна, другое в пользу римского императора Траяна.

Эти статьи содержат принципиальные установки обоих течений. Борьба этих течений имеет свою продолжительную историю. Она длится уже почти столетие, и еще не видно ее окончания.

2

Наша классификация мнений всех писавших по этому вопросу значительно отличается от классификации, предлагаемой Н. С. Державиным.[5]

Исследователи, занимавшиеся вопросом о Трояне, разделены им на четыре направления: 1) мифологическое (Буслаев, Квашнин-Самарин, Барсов), 2) символическое (Полевой, Бодянский, Забелин, Потебня, Костомаров, Огоновский и др.), 3) историко-литературное (Вяземский, Вс. Миллер, А. Веселовский, Пыпин) и 4) историческое (Дринов, Максимович, Дашкевич и др.).

Это деление не основано на строгом fundamentum divisionis. Так, например, символическое направление характеризуется как видящее в Трояне «некий символ или метафорическую и метаморфическую замену других объектов» и стремящееся вскрыть их настоящее содержание. Однако представители этого направления видят в Трояне реальный продукт русской исторической действительности, отождествляя Трояна либо с тремя братьями князьями, либо со всем княжеским родом, либо, наконец, с Владимиром, названным святым. Это ведь, в сущности, чисто исторический подход к вопросу, и едва ли удобно скрывать настоящее содержание этих взглядов под мало говорящим термином-маской «символисты».

Так называемое мифологическое направление также не лишено исторического характера. Языческая мифология славянского народа, на которую ссылаются авторы этого направления, есть определенный исторический факт, являясь составной частью его древнейшей культуры. Трактуя слово Троян как упоминание об языческом боге, они ссылаются на определен-

---

боты Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 57—92).

[5] Н. С. Державин. 1) История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 206; 2) Троян в «Слове о полку Игореве». — Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 25—44.

ный исторический отрезок времени, именно на раннюю, дохристианскую историю всех славян.

С другой стороны, так называемое историческое направление не лишено мифологических элементов. Сторонники этого мнения говорят об «обожествлении», т. е. тоже о боге. Русские, по отражениям русской действительности в «Слове», сотворили себе кумира либо в лице римского императора Траяна (по одной версии), либо в лице собственных князей (по другой версии). Следовательно, налицо тоже мифология, самая доподлинная мифология, только приноровленная к другим отрезкам времени, к другим местам и к другим историческим явлениям.

Называя сторонников «раннеславянского» направления «мифологами», мы объективно, помимо воли, снабжаем их эпитетом, имеющим до известной степени оттенок неодобрения.

С другой стороны, называя «историками» только сторонников так называемого исторического направления, мы тем самым утверждаем косвенно, что «мифологи» не историки, хотя, без сомнения, они оперируют настоящей историей.

Наконец, мы не считаем удачным и четвертый термин — «историко-литературное» направление. Он говорит нам лишь о том, в какой научной области работают авторы этого направления, но вовсе не характеризует сущности их взглядов по вопросу о Трояне. По существу же они отрицают Трояна как реальный продукт русской исторической действительности. В упоминаниях о Трояне в «Слове» авторы этого направления видят: или «возбуждение византийских и южнославянских преданий, восходящих в далекую древность, в частности отражение Троянских сказаний» (Пыпин),[6] или заимствование какого-нибудь средневекового сказания о Троянской войне и Троянах Азовского моря (А. Веселовский),[7] или, наконец, просто «увлечение старыми словесами, найденными автором „Слова“ в старых болгарских книжках» (Вс. Миллер).[8]

Мы считаем, что к мнениям отрицательного характера, к мнениям о простом заимствовании, можно прийти только тогда, когда будут исчерпаны все попытки найти положительное содержание по интересующему нас вопросу. Налицо, так сказать, «научный пессимизм». Но ведь недаром же научная мысль все время настойчиво возвращается к этой теме. Настойчивость эта поддерживается идеей, что поиски не бесплодны и могут привести к результатам.

Вышеприведенные критические замечания подготовили почву для формулировки нашей классификации.

Основным ее делением должно быть деление на: 1) отрицательное (негативное) направление (Пыпин, А. Веселовский, Вс. Миллер и др.) и 2) положительное (позитивное) направление, верящее в то, что упоминания о Трояне имеют какой-то реальный смысл и его можно найти в исторической действительности.

В свою очередь это направление можно разделить на три течения в зависимости от того исторического периода времени, в котором они ищут разгадку выражений слова о Трояне. На основании отрезков времени, лежащих в основе интерпретации, можно наметить три исторических течения: 1) течение, связывающее Трояна с фактами римской истории,

---

[6] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 1. СПб., 1902, стр. 180.

[7] А. Н. Веселовский в разборе книги Вс. Миллера о «Слове»: ЖМНП, 1877, август. См. также вполне убедительную критику его взгляда у Вс. Миллера: По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве». — ЖМНП, 1878, декабрь, стр. 253—256.

[8] Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна. . ., стр. 239 и сл.

с римским императором Траяном, следовательно с II—III вв. н. э., 2) течение, рассматривающее Трояна как славянского языческого бога и, следовательно, оперирующее в своей интерпретации явлениями приблизительно VI—IX вв. н. э., и 3) течение, видящее в Трояне русских князей XI—XII вв. н. э.

Если бы мы хотели упростить эту схему и в то же время снабдить ее суммарной характеристикой по существу, то могли бы для краткости условно назвать эти течения так: 1) мнения о римском происхождении Трояна (А. Котляревский, Леже, Огоновский, Ягич, Дринов, Карамзин, Н. Державин, Максимович, М. Тихомиров), 2) мнения о раннеславянском его происхождении (Буслаев, Барсов, Ербен, Квашнин-Самарин, Д. Лихачев) и 3) мнения о русском происхождении (Костомаров, Забелин, Лонгинов).

Эта классификация построена на критерии исторического времени, но в то же время содержит и пространственные рамки явления. Первые две группы мнений имеют в виду, как увидим ниже, Дунай, хотя и в разное время, третья — территорию русских княжеств XI — XII вв.

Итак, в результате, у нас четыре направления, или течения. Схема их такова: I. Негативное направление; II. Позитивное направление, распадающееся на три течения: а) римское, б) раннеславянское и в) русское.

Эта классификация, помимо преимуществ по существу, имеет еще и то удобство, что в ее рамки вмещаются все авторы, писавшие о Трояне, тогда как при делении на «мифологов» и «историков» ряд авторов не вмещался в схему. Так, например, «историк» Н. С. Державин мог быть смело отнесен и к «мифологам», а «мифолог» О. Огоновский мог быть без всякого труда отнесен и к «историкам».

Такое смешение при классификации было неизбежным, так как по существу Троян «Слова», по мнению всех писавших о нем, был или богом, или обоготворенным человеком, но в конце концов во всех случаях божеством, в признании которого различие между так называемым мифологическим направлением и так называемым историческим совершенно стиралось.

В гамму голосов о Трояне включаю и я свой скромный голос. Полагаю, что исследователям «Слова» и всем интересующимся этим вопросом будет любопытно узнать и румынскую точку зрения, тем более что до сих пор в румынской исторической и фольклорной литературе не существует исследования, посвященного этому вопросу, хотя по многим другим вопросам румынской мифологии было написано достаточно.

По нашему мнению, как будет видно ниже, решение вопроса о Трояне следует искать в VI—VII вв. н. э. и ключом к нему должны послужить дако-славянские отношения этого времени на Дунае, равно как данные румынской филологии и лексики.

Мы не имеем в виду представить здесь последовательное изложение всех взглядов на этот вопрос или тем более их историю. Их обстоятельное изложение мы находим у Н. С. Державина, облегчившего задачу дальнейших исследований. Нет надобности повторяться. Мы затронем лишь несколько из высказанных ранее мнений разного направления и лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения нашей собственной точки зрения.

Еще в 1946 г. А. С. Орлов с сожалением констатировал, что пока вне Советского Союза «не оказалось беспристрастных научных работников» в деле изучения «Слова», прибавляя при этом, что «русским ученым при-

дется сработаться с зарубежными силами, чтобы путем взаимной помощи достигнуть объективной истины».[9]

Настоящая работа и представляет собой ответ на положение А. С. Орлова о научном сотрудничестве, являясь попыткой найти истину по крайней мере в одном секторе «Слова», в его выражениях о Трояне, а косвенно и вообще о «Слове».

3

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения, мы хотели бы устранить одно недоразумение. Очень часто авторы, защищающие «римскую» точку зрения, ссылаются на Троянову топонимию и Троянов фольклор.

В самом деле, топонимия Трояна очень богата.[10]

В Болгарии Троянов путь («Трояновият път») соединяет Белград и Софию с Константинополем. На севере от Филиппополя имеются римские руины, называемые Трояновград. В горах одно из ущелий называется Трояновы Врата.[11]

В сербо-кроатских областях также упоминается имя Трояна. В Румынии имеются топонимические названия и валы Трояна.[12] В уезде Вылчя (Vîlcea) между Рымником-Вылчя и Окнеле Марь (Ocnele Mari), на расстоянии приблизительно километра от реки Олт, имеется местность, называемая Троян. У подошвы горы Козия (Cozia) в уезде Аржеш (Argeş), недалеко от монастыря Козия, находится широкая скала с площадкой, называемая «столом Трояна» (masa lui Troian). Вход реки Олта в Румынию через горное дефиле назывался в древности «воротами Трояна» (poarta lui Troian). В Трансильвании, около города Турда (Turda), имеется луг, называемый «пратул луй Траян» (pratul lui Traian). Старое шоссе, проходящее в Олтении через Turnul Rosu (Турнул-рощу — красная башня, крепость), называется calea Traianului, или, как думает А. Philippide, calea Troianului. Это дорога, идущая вдоль старинного земляного вала.[13] В одном румынском историческом документе 1814 г. указана местность Бозынчешть «у (реки) Троян».[14] В Молдавской Советской Социалистической Республике на левом берегу реки Прута недалеко от устья имеется село, носящее название Троян.

Однако же обилие топонимических указаний может, самое большее, породить мысль о возможности римского происхождения этих названий, но простая возможность неубедительна. Тезис римского происхождения просто берется на веру. Откуда черпается уверенность, что эта топонимия связана именно с императором Траяном, а не, за небольшими исключениями, с языческим богом Трояном?

---

[9] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 212.

[10] Iuliu Zanne. Proverbele Romînilor, vol. VI. Bucureşti, 1900, стр. 408; A. Cihac. Dictionnaire d'étymologie daco-roumaine, vol. II. Elements slaves, magyars etc., 1879, стр. 423; vol. I, стр. 215; D. Onciul. Tradiţia istorică în chestiunea originilor romîne. — Analele Academiei Romîne, Seria II, tomul XXIX, стр. 583; Louis Leger. Etudes de mythologie slave, III. Paris, 1895, стр. 7, 8, 9, 11, 13; А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 92—93.

[11] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 92.

[12] В исследовании Н. С. Державина «Троян в „Слове о полку Игореве“» (стр. 24) при передаче румынских названий, связанных с именем Трояна, вкрались досадные опечатки. Так, Троянов вал назван по-румынски valea Traianului, тогда как valea — «долина» и следовало сказать: valul lui Troian. Кроме того, в передаче румынских названий, связанных с именем Трояна, звук «о» в корне этого слова заменен звуком «а», например: Traian de zăpadă вместо Troian de zăpadă, cîmpul Traianului вместо cîmpul lui Troian и т. д. А соблюдение правильного написания очень важно для существа дела.

[13] Al. Philippide. Originea Romînilor, vol. I. Iaşi, 1928, стр. 725.

[14] Uricariul. (Собрание исторических документов), t. XVII. Iaşi, 1891, стр. 152.

Топонимия сама по себе еще не является доказательством. Она требует интерпретации, и есть основания сомневаться в том, что топонимия Трояна всегда обязана своим происхождением императору Траяну.

Следует иметь в виду, что названия, связанные с именем Трояна, имеются не только в Болгарии, Сербии, Румынии, но и в прежней России, в Польше и Чехии. Так, например, в прежней России имелись: Троян в Таврической губернии, Трояны, Троянка, Трояново в Херсонской губернии, Троя и Трояновка в Полтавской губернии, Трояновка в Волынской губернии, Трояново в Орловской губернии и Трояновка в Калужской губернии. Отмечаем при этом, что все названия имеют в своем корне «о», а не «а». Имеется и несколько имен Троян в русских исторических актах.[15]

В Галиции в Днестровском бассейне имеется ручей Троян, в Моравии — Троянский ручей и Трояновице. В Чехии и Польше села носят название Троянов, Троянек, Трояны.[16] В Польше существуют также Трояновице, Троянов.

Около Коростышева Киевской губернии есть Троянов луг, в местности Белой Церкви есть Троянов яр, в Смоленской губернии — село Трояны.[17]

Как видим, имеется целый ряд названий, к которым исторический император Траян не мог иметь никакого отношения.

Поэтому мы должны признать, что топонимия Трояна указывает только на крайнюю популярность этого имени, но отнюдь не доказывает, что в основе ее лежит именно имя императора Траяна.

Не является доказательным и фольклор с упоминанием о Траяне. То обстоятельство, что император Траян известен русскому фольклору и еще больше балканскому, ничего не доказывает. Естественно, что такая крупная историческая фигура, как император Траян, оставивший огромные следы своей деятельности в придунайской территории, не мог остаться чуждым балканскому и даже русскому фольклору.

В средние века, как на Западе, так и на Востоке, была чрезвычайно популярной повесть об Александре Македонском под названием «Александрия».[18] Она считалась тогда занимательным чтением всех любителей истории и фантастического. В разных редакциях она обошла Европу. Однако никому не пришло бы на ум для решения какого-нибудь спорного вопроса ссылаться на «Александрию», отражающую популярность этого великого императора и полководца.

По аналогии можно утверждать, что популярность римского императора Траяна, отраженная в фольклоре, не дает права делать заключения по такому в высшей степени спорному вопросу, как Троян «Слова о полку Игореве». В данном случае с популярностью императора конкурирует другая популярность — популярность языческого бога.

Чтобы представить себе характер Троянова фольклора, возьмем одну из самых известных народных песен с упоминанием о Трояне — румынскую колядку под новый год под названием «Plugul».[19]

---

[15] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. I. М., 1887, стр. 377 и сл.; [Без автора]. О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 39—40.

[16] L. Niederle. Slovanske starožitnosti. — Život Starých Slovanu, II, sv. I, 1916, стр. 125, 145 и сл.

[17] П. М. Дашкевич. Славяно-русский Троян и римский император Траян. — Сб. «Serta Borysthenica» в честь заслуженного профессора Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, стр. 228.

[18] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 148—155.

[19] Vas. Alexandri. Poezii populare, publicate de G. Giuglea, ed. 2. București. [б. г.], стр. 339—343.

Содержание песни такое. Bădica Troian (bădica — народное обращение к старшему) садится на лошадь, едет осмотреть поле для посева, вскоре засевает его пшеницей; льет дождь, на нивах Трояна появляются богатые всходы, и в результате бог дает Трояну прекрасный урожай.

Можно ли по рассказу заключить, кто вспоминается под именем Трояна? Разумеется, нет. Вместо этого имени, могло бы фигурировать любое другое. Если все же настаивать на знаменательности имени и верить, что в нем скрывается отзвук прежних времен, то кому более приличествуют полевые работы: императору-завоевателю или прежнему умилостивленному богу, дателю жизненных благ?! Второе, конечно, является гораздо более естественным.

4

Каким же богом был Троян, когда и как он появился?

В одной из своих ранних статей С. К. Шамбинаго относительно славянских языческих богов делает следующее замечание: «Так и остается неясным, каких богов русские подразумевали под именем Симарьгла, Мокоши, Переплута, Дыя и Трояна».[20] С тех пор, как писались эти строки, прошло почти полустолетие, но и доныне значение этих богов остается еще невыясненным. Правда, относительно богини Мокоши утверждается, что она была патроном прядения и стрижки овец.[21] Трудно сказать, в какой степени это верно для всей территории огромного славянского мира.[22]

Что касается Трояна, то мы видели выше, как много было написано по этому вопросу.

Возьмем несколько ответов, наиболее оригинальных и наиболее разработанных, и в первую очередь остановимся на мнении Н. С. Державина.[23]

Автор полагает, что образ Трояна не только мифологический, не только литературный, не только исторический. Он «комплексный образ, сложившийся в длинном процессе развития мышления народа и является в такой же мере достоянием русских славян, как и южных славян, болгар и сербов». Процесс этот представляется в следующих этапах: 1) некое сверхъестественное существо, 2) полубог, 3) эпический герой и 4) отождествление с римским императором. Конечно, это лишь схема развития идеи, так как из самого изложения не все этапы превращений отчетливо видны. «Теогонической протоосновой» Трояна является, по мнению автора, не царь Троян с ослиными или козлиными ушами болгарских и сербских сказок, а некое божество. Troian имеет «двуосновный скрещенный термин» tro-tor, который мы находим в первичном виде в названии скандинавского бога грома и молнии Thorr. По методу языковеда Н. Марра автор сводит этот tro-tor к tarhan, что означает «кузнец», «бог», «небо», и думает, что первоначальное божество было божеством подземного металлического царства.[24]

Несмотря на эти мифологические предпосылки, Н. С. Державин заявляет себя определенным сторонником исторического направления в его

[20] С. К. Шамбинаго. Языческая религия русских славян. — Русская история в очерках и статьях, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. 1. М. [б. г.], стр. 153.

[21] Hanus Machal. Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 35 и сл.

[22] По предположению (правда, голословному) Д. Иловайского, «Мокошь принадлежала, вероятно, к водным божествам» (Д. Иловайский. История России, часть 1. Киевский период. 1876, стр. 67). И. Забелин считал Мокошь лунным божеством, соответствовавшим Диане-Артемиде, в то же время указывал, что в народной памяти сохраняются еще представления о Мокоше как о пряхе, работавшей по ночам, подобно тому как Диана у римлян была также доброй пряхой (И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, часть II. М., 1879, стр. 296).

[23] Н. С. Державин. 1) Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 5—60; 2) История Болгарии, т. I, стр. 206—210; 3) Славяне в древности. М.—Л., 1946, стр. 143—144.

[24] Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 33.

понимании этих слов.[25] Троян в «Слове» — подлинное историческое лицо и именно римский император Траян, а не какой-либо мифический или литературный образ, это образ славянский, свой, незаимствованный, «выросший в культурно-исторической обстановке славянского населения Киевско-Дунайской области».[26] «Между населением Симеоновской Болгарии и населением Киевской Руси, — пишет автор, — не было никакого разрыва, и река Дунай служила лишь политической границей, отделявшей Россию от Болгарии».[27]

Как видим, налицо огромный территориальный охват, отграничение которого сделано в наших современных понятиях («политическая граница», «Россия»). В то время, как известно, границы были очень условным понятием, совпадая с пределами этнографического расселения (что можно было бы передать словами «мои границы там, где кончается мое население»).

В согласии с Ф. И. Буслаевым Н. С. Державин устанавливает сходство между Трояном и Всеславом Полоцким «Слова». «Оба они, — пишет автор, — обгоняли путь солнца, и как Троян вместе с пением петухов спешил к своей возлюбленной, чтобы убежать от солнца, так и Всеслав до кур, т. е. до петухов, успевал из Киева в Тмутаракан, волком перебегая путь великого солнца».[28]

Тому, что это наследие является собственным, не заимствованным у южных славян, автор находит некоторое подтверждение в наличии у русских веры в оборотничество. В описании Скифии у Геродота говорится о неврах, которые считаются предшественниками белорусов, что они умели оборачиваться в различных животных.[29]

Автор ближайшим предшественником Трояна считает царя Трояна-Мидаса и разделяет мысль Вс. Миллера о том, что в основе легенды о сказочном царе Трояне-Мидасе лежит «отложение старого наследия фригийско-фракийской культуры».[30]

Такова в общих чертах сложная теория Н. С. Державина.

Не вполне последовательно со своим историческим тезисом об императоре Траяне автор отождествляет землю Трояна с Киевской Русью. Седьмой век он считает седьмым веком после падения римского владычества в «Киевско-Дунайской области». К седьмому веку после Траяна (умер в 117 г. н. э.) относится и образ Киевской державы. Слово «тропа» является, по мнению автора, видоизмененным заимствованием названия исторического монумента «Tropaeum Traiani».[31]

Мы не можем согласиться с основными предпосылками взгляда Н. С. Державина. Прежде всего невозможно допустить, чтобы имя скандинавского бога было образцом для бога Трояна не только потому, что, как отмечает сам автор, функциональная роль бога совсем иная, чем роль Трояна, но и потому, что в VI в. н. э., когда мог появиться бог Троян,

---

[25] Там же, стр. 45.

[26] Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 207.

[27] Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 13. Первый, кто высказал мысль о том, что бог Троян — обоготворение императора Траяна, был анонимный автор XVI в., полагавший, что все главные языческие боги — Перун, Хорс, Дый и Троян — появились в результате обожествления обыкновенных людей, «старейшин», проживавших: Перун у греков, Хорс на острове Кипре, Троян в Риме. Работа анонимного автора относится к так называемой обличительной литературе: надо было низвергнуть богов, утверждая, что это люди (Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1865, стр. 1004).

[28] Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 210.

[29] Там же, стр. 210—211.

[30] Там же, стр. 208; Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна..., стр. 240—247.

[31] Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 44 и 46—49.

славяне обнаруживали стремление к югу, а не к северу. Все внимание и все их интересы в это время были сосредоточены на юге, на Балканском полуострове, на Дунае, чем, между прочим, и объясняется появление бога Трояна с юга.

Если бы протоосновой Трояна был скандинавский бог Тор, то прежде всего этого бога могли бы заимствовать балтийские славяне, как ближайшие к Скандинавии, а между тем среди многочисленных названий различных богов балтийских славян не имеется ни одного, которое бы хоть сколько-нибудь походило на имя Тора.[32]

Троян не мог быть богом преисподней, богом металлического царства, как это будет видно из нашего дальнейшего изложения. Но он не является и богом сексуальной жизни, как утверждает автор в другой своей работе, где он говорит, что «в румынской обрядности вместо Ярилы или Германа выступает в аналогичной обстановке Калоян или Скалоян, а также Траян» (у автора значится Траян, а не Троян).[33]

У румын не имеется решительно никаких следов, по которым можно было бы заключить, что Троян принадлежит к числу богов плодородия и сексуальной жизни, как это наблюдается в отношении Калояна и Скалояна.

Возможно, что такое мнение о Трояне навеяно статьей Вс. Миллера по поводу болгарских и сербских сказок о Трояне, толковавшего этого Трояна как лунное и фаллическое божество. Такая интерпретация — большая ошибка. Но об этом мы говорим подробнее ниже.

Мы считаем совершенно произвольным сопоставление Трояна с Всеславом Полоцким. Один боится солнца, чтобы не быть растопленным его лучами, другой боится его, чтобы оно не застигло его оборотнем. Разные положения и разные явления! Нигде не имеется никаких признаков, которые бы указывали на способность языческого бога Трояна оборачиваться. Троян не имеет никакого отношения к явлению оборотничества.

Наконец, является совершенно непонятным, почему, имея в своем распоряжении русское слово «тропа», надо было искать для «тропы» «Слова» совершенно искусственное объяснение в заимствовании латинского слова «Tropaeum» (Traiani) — означающего трофей, колонну, сооруженную для прославления победы над даками.

Тоже к «римскому течению» принадлежал М. А. Максимович, отождествлявший Трояна с римским императором Траяном, землю Трояна с древней Дакией, века с веками от покорения Дакии, тропу Трояна с древней дорогой, пролегавшей через Малую Валахию от Дуная до Карпатских гор.[34]

В таком же духе писал и М. С. Дринов в своем исследовании «Время появления славян». Он не сомневался, что Троян это император Траян, что тропа (видоизменяя это слово в трапа, что по-болгарски и по-боснийски имеет смысл ямы, рва) означает ров, вырытый вдоль Троянова вала, и что земля Трояна — земля, лежащая за этим рвом, т. е. Троянова Дакия.[35]

Следует также упомянуть про попытку Л. Леже,[36] в согласии с В. Ягичем, установить римское происхождение Трояна. Леже посвятил отдельный

---

[32] См. тщательно составленный очерк религии балтийских славян у А. Гильфердинга: Собрание сочинений, т. IV. История балтийских славян, СПб., 1874, стр. 150—226.

[33] Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 143—144.

[34] М. А. Максимович. О значении имени Троян, упоминаемом в «Слове о полку Игореве». — Собрание сочинений, т. II, Киев, 1877, стр. 426—433.

[35] М. С. Дринов, Сочинения, т. I, София, 1909, стр. 221—223.

[36] Louis Leger. Etudes de mythologie slave, III. Первый выпуск посвящен Перуну, второй — Свантовиту, третий — Трояну.

(третий) выпуск своей небольшой работы по славянской мифологии культу Трояна. В ней высказывается предположение, что бог Троян появился в результате обожествления императора Траяна. Проводится аналогия с обожествлением императора Августа. Как полагает автор, традиция почитания и обожания императора Траяна могла прийти в Россию от южных славян, именно из Болгарии, находившейся всегда в контакте с Румынией, а может быть, даже от самих румын.[37] По-видимому, эта мысль об обожествлении императора Траяна была внушена автору Ягичем, предложившим свое толкование пути обожествления: в южных странах имеется много руин, носящих имя Траяна. Согласно народным поверьям, в руинах живут демоны, в частности духи, скитающиеся ночью, чтобы творить всякое зло. Таким духом и был Траян. Страх перед ним вызвал поклонение, а с этим представлением соединилось воспоминание о римском царе Траяне. Леже считает интерпретацию Ягича «весьма правдоподобной».[38] Он все же прибавляет, что ни в русской мифологии, ни у балтийских славян аналогичного явления обожествления какого-нибудь исторического лица не наблюдается.[39]

Предположение Ягича и Леже кажется нам слишком поверхностным, упрощенческим, примитивным. Трудно поверить, чтобы из страха перед руинами, которых и не так уж много было, могло появиться, вырасти и распространиться почитание бога Трояна, находящегося в почтенном антураже главных языческих богов. Тезис же Леже, как, впрочем, и некоторых других представителей мнения о римском происхождении Трояна, является совершенно необоснованным.

Вспоминается, как отнесся к попытке связать выражения «Слова» о Трояне с императором Траяном А. С. Пушкин, который в своих заметках относительно «Слова о полку Игореве» пишет, что можно ли без улыбки верить столь легкомысленному объяснению земли Трояна как земли императора Траяна, а тропа Трояна может ли быть Трояновым валом (в Бессарабии), раз ниже говорится о Доне? [40] Историческое чутье, которым обладал великий русский писатель, не обманывало его. Действительно, все выражения «Слова» с упоминанием о Трояне не имеют отношения к императору Траяну.

5

Переходим к другому полюсу времени, к тем, кто отыскивал корни Трояна в русской истории. Среди них на первом месте следует поставить А. В. Лонгинова.[41]

В своей обширной статье он высказался против отождествления Трояна с императором Траяном. Он указывает, что не всегда упоминание в «Слове» о Дунае означает непременно Дунай. Когда говорится, что

---

[37] Louis Leger. Etudes de mythologie slave, III, стр. 7 и сл.

[38] Развитие этой мысли см. в работе: V. Jagič. Historija knijiževnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, 1, стр. 99 (цит. по статье Н. С. Державина «Троян в „Слове о полку Игореве“», стр. 29); см. также: V. Jagič. Zur Slavischen Mythologie. — Archiv für slavische Philologie, XXXVII, 1920, стр. 492—511.

[39] Louis Leger. Etudes de mythologie slave, III, стр. 13, 14.

[40] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений под ред. М. А. Цявловского, т. IX, Изд. АН СССР, 1937, стр. 296—297.

[41] А. В. Лонгинов. «Слово о полку Игореве». Источники и мифология «Слова». — Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXIX. Одесса, 1911. Эта статья, опубликованная позже его известной работы «Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.» (Одесса, 1892), не была использована Н. С. Державиным в исследовании его о Трояне, цитированном выше. Впрочем, разница между этими двумя работами автора не очень велика.

девицы поют на Дунае, здесь под словом «Дунай» можно разуметь и Дон, как в летописи, например «ехали половци на Дунай» (Ипатьевская летопись, стр. 453); в народных песнях имя Дуная переносится на Дон и Днепр (ссылки на Рыбакова, I, стр. 463, и II, стр. 50 и 130). По удостоверению Иорнанда, туземцы называли Днепр Дунаем.[42] Троян — мифическое божество, связанное с понятием о благодатной власти, располагающей человеческой судьбой.[43]

Имя Трояна автор производит от слова «три». Первообраз его кроется, по мнению автора, в: 1) триединстве божества, 2) в трехбратном роде у русских, так же как и у поляков, чехов, сербов и болгар (ссылка на Ербена, Забелина, Буслаева, Костомарова, Петрушевича), 3) в предании о трех рожденных в окрестностях Днепра сыновьях Девы-Дианы и Геркулеса, из коих младший прослыл Скифом, 4) в предании о трех варяжских князьях, 5) в предании о трех устроителях Киева и, наконец, 6) в сведениях о трех братьях князьях Ярославичах, внуках Владимира (св.): Изяслава в Киеве, Святослава в Чернигове и Всеволода в Переяславле.[44]

По мнению А. В. Лонгинова, автор «Слова» увлекается византийским риторическим приемом окружать царей божественным ореолом и взирает на князей как на земных богов. Неудивительно, продолжает автор, что былевой эпос слил трех солнечных князей в триединое мифическое божество Трояна, сходное с божеством балтийских славян Триглавом.[45]

Автор ставит вопрос: почему арабский географ Едризи на карте, начертанной и изданной Лелевелем в средневековом атласе по древнейшим Оксфордскому и Парижскому спискам, поместил между Доном («Русская река») и Днепром («Данаприс») выше половецкой земли («Кумания») Трою, из каких источников Михаил Литвин (XVI в.) извлек сведения о русской Трое и какое отношение имеет она к земле Трояновой?[46] Автор не решает поставленного им вопроса, полагая, что решение его остается будущей задачей науки. По-видимому, он надеется, что оно будет в пользу защищаемой им точки зрения.

Несмотря на всю оригинальность попытки найти внутреннее, чисто русское, а не стороннее объяснение выражений о Трояне, с ней нельзя согласиться. Основной недостаток этого мнения заключается в узких временных границах обсуждаемого явления. Из того, что пишет автор, вытекает, что бог Троян, являясь персонификацией трех братьев, трех русских князей XII в., родился только в этом веке, не раньше. Такой подход к вопросу не может быть отстаиваем. Как увидим ниже, имеются все данные утверждать, что бог Троян намного старше указанного века.

В соответствии с концепцией автора разрешается и вопрос о седьмом Трояновом веке.[47] Счет идет не на века, а на годы, и именно от года первого нападения половцев на Русскую землю. Это случилось в 1061 г., т. е. на седьмом году от года смерти Ярослава I (1054 г.). В оправдание своей подмены понятия века годом автор считает век условным понятием, так как, по объяснению Иоанна Дамаскина, век означает «и жизнь человека, и тысячелетие, и всю настоящую жизнь, и всю будущую». В данном случае понятие века получает расширенный объем, становится «перспективным».

Такое расширение допускается и русским языком (в переносном смысле), и религиозными понятиями.

---

[42] А. В. Лонгинов. «Слово...», стр. 72.
[43] А. В. Лонгинов. Историческое исследование..., стр. 108 и сл.
[44] А. В. Лонгинов. «Слово...», стр. 76.
[45] Там же, стр. 79 и 80.
[46] Там же, стр. 77.
[47] Там же, стр. 78.

Библиотека ИРЛИ

Но ведь у автора произведен обратный процесс: сужение понятия до крайних пределов с подменой века годом. Вся условность и искусственность этого приема совершенно очевидны.

Что касается тропы, то автор разумеет под этим понятием «тропу, проторенную в ратях и ополчениях Трояном, т. е. тремя братьями Ярославичами». Чувствуя, по-видимому, шаткость конкретизации понятия о тропе и проявляя совершенную непоследовательность, автор дает и другое определение тропы. Он поднимается при этом до абстрактных высот мифологического обоснования. Мы читаем у него: «Земная Троянова тропа параллельна светлой стезе господней, следу небесного владыки (Иоанна, глава 8, Псалтырь, Ипатьевская летопись 479), вечному пути, вводящему в царство господа».[48]

А. В. Лонгинов заимствовал у Н. Костомарова идею о трех братьях, у И. Забелина идею о трехбратном роде, у Н. Д. Квашнина-Самарина идею о Триглаве.

В общем, автор признает, что Троян — мифологическое божество. Но его попытка объяснить, как появилось почитание этого бога, как он родился, надо признать совершенно неудовлетворительной. Ставить происхождение этого бога в связь с числом «три» и с обожествлением трех князей, якобы соединенных в единое понятие, значит допускать явную натяжку.

Такую же натяжку находим мы и у И. Забелина, утверждающего, что под Трояном разумеется весь княжеский род,[49] у тех, кто, подобно Н. Полевому, считал, что под именем Трояна надо предполагать князя Владимира Ярославича,[50] и, наконец, у А. С. Петрушевича, полагавшего, что под именем Трояна надо разуметь первого русского князя Рюрика.[51]

6

Перейдем к представителям раннеславянского мнения, среди которых первое место принадлежит Ф. Буслаеву.[52] Он полагал, что Троян — мифологическое существо из той же породы стихийных существ, к которым относятся вилы, русалки, немецкие альфы, эльфы, светлые духи и подземные карлики — хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящие лучей солнца.

Ф. И. Буслаеву же принадлежит и сопоставление Трояна с мифическим Трояном сербо-болгарского эпоса, тоже боящегося солнца, с Всеславом Полоцким, с Китоврасом и т. д.

Целый ряд авторов этого направления толкует имя Трояна как заимствование имени бога Триглава балтийских славян, бога Сатурна из Штеттина, известного по жизни Оттона Бамбергского.

Чешский ученый K. Erben[53] считает Трояна восточным Триглавом, являющимся олицетворением зимы, льда и снега, тающих под лучами солнца. Поэтому он сомневается, чтобы имя Трояна могло быть заимство-

---

[48] Там же, стр. 79.

[49] И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. Изд. 2, М., 1908, стр. 521 и сл.

[50] Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 34.

[51] А. С. Петрушевич. «Слово о полку Игореве». Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия, отд. I. Львов, 1887 (цит. по изданию: Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. II. М., 1887, Дополнение, стр. 11).

[52] Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 385 и сл.

[53] K. I. Erben. O dvojici a trojici v bajeslovi slovanskem. Časopis Muzea královstvi ceskeho, sv. 2, 3, 1857, Praha, стр. 275 и сл.

вано от императора Траяна. Чехи имели сношения с балтийскими славянами и могли заимствовать их веру в бога Триглава.

Н. Д. Квашнин-Самарин[54] также был того мнения, что первоначально Троян означал Триглава. Он считался господином воздуха, воды и земли. Будучи царем ночи, он не любит лучей солнца и погибает от них.

Наконец, отождествление Трояна с Триглавом мы находим и у О. Огоновского[55] с тем, правда, различием, что он считал его первоначальным поверьем, которое впоследствии было перенесено на императора Траяна.

Относительно попыток отождествить Трояна с Триглавом можно сказать следующее. Троян — божество, почитание которого было очень распространено. Он известен был болгарам, сербам, чехам, полякам, русским и румынам. Легко допустить, что ввиду территориальной близости чехи, поляки и русские имели сношения с балтийскими славянами, но как могли заимствовать Триглава болгары, сербы и румыны? Объяснение должно было бы обнимать всю территорию, на которую распространялась его популярность.

Если имело место заимствование, почему вместе с верой в него не было заимствовано и самое имя?

Наконец, если допустить заимствование, как примирить с ним болгарские и сербские сказания о царе Трояне с ослиными и козлиными ушами?

Очевидно, что на юге Триглав не мог быть предметом заимствования.

Однако же имеется известный параллелизм в функциональной роли Триглава и Трояна. Раз у восточных славян существовали светлые боги, боги солнца, плодородия, веселья, любви, то, с другой стороны, должны были существовать и мрачные боги.

В пантеоне богов у восточных славян чувствуется отсутствие бога зимы, т. е. именно того бога, который у западных славян носил имя Триглава. В такой же роли выступал у западных славян и Поревит, имевший пять голов по числу зимних месяцев. Где же этот зимний бог восточных и южных славян? Вот это пустое место и занимал Троян. Случайно о нем не сохранилось следов в документах эпохи.

Нет ли каких-нибудь других следов, по которым можно было бы судить о функциональной роли этого бога?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо выяснить некоторые вопросы, связанные с временем и местом.

7

В первую очередь установим хронологические границы явления. Появление бога Трояна не могло состояться ранее появления славян на Дунае, т. е. ранее конца V и начала VI в. н. э., равно как не могло состояться и позже распространения христианства, т. е. приблизительно позже начала или середины IX в., в особенности позже принятия болгарским народом при царе Борисе (852 — 888) христианства по византийскому обряду. Хотя христианство распространялось на Балканском полуострове уже начиная со II в. н. э., а Константином Великим в Византийской империи было объявлено господствующей религией, все же массы населения на Дунае оставались при своей языческой вере. Только когда христианство стало религией большинства, появился настоящий языческо-христианский синкретизм и процесс изживания в населении языческих религиозных представлений растянулся на века.

---

[54] См.: Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 26.
[55] О. Огоновський. «Слово о пѣлку Игоревѣ». Львів, 1876.

Балканский полуостров с его пестрым населением, среди которого были и славяне, с половины VI в. получил определенную этническую окраску. Фракийское население оказалось в меньшинстве, так как в это время, по выражению Нидерле, Балканы «были «оккупированы славянами».[56]

В последней четверти VI в. последовало массовое вторжение славян на полуостров. Они оккупировали Фракию, Македонию и Фессалию.[57] А немного позже, «к средине VII века, — пишет П. Н. Третьяков, — славянский этнический элемент превратился в господствующую силу и вскоре поглотил старое, фракийское и иллирийское, население, соперничавшее с греческим элементом на юге и в приморских частях полуострова. К этому же времени относится и выражение Константина Багрянородного, что вся провинция ославянилась и сделалась варварской».[58]

В условиях подавляющего господства славян должно было развиваться славяно-дакское сожительство на Дунае. Тогда же складывался этнический состав южного славянства.

Вот именно в это время и появился интересующий нас бог Троян. Как известно, имя его дошло до нас в форме Троян, а не Траян, т. е. в той форме, в какой знают его румыны. Как появилось оно? Для разрешения вопроса приходят нам на помощь данные румынской филологии.

Если бы румыны заимствовали имя Траян непосредственно из латинского языка, то, по утверждению известного румынского филолога Al. Philippide, это заимствование должно было бы дать звуки trădzî'n—trăzî'n, в русском написании «трэдзын»—«трэзын», а не «Траян» или «Троян», как это имеется в настоящее время. По мнению упомянутого ученого, слово troianul проникло в румынский язык намного раньше аффрикатизации согласного звука ĭ. Поэтому и название «calea traianului» есть позднейшее изменение древнего выражения «calea troianului» (путь Трояна).[59] Славяне же, заимствуя в то время имя императора Траяна из латинского языка, должны были воспринять его в форме Troian, т. е. «Тройан», иначе говоря, первое слышимое «а», будучи кратким и неударным, должно было бы перейти в «о».

Если бы славяне в то время заимствовали имя императора от румын, то они должны были бы заимствовать его в форме «Трэзын», а не в форме «Траян» или «Троян». И напротив, если бы румыны заимствовали это имя у славян, то они должны были бы заимствовать его в форме Troian.

В румынском языке имеются глаголы a troieni, a întroieni — «заносить снегом», отглагольное существительное o întroienire — «снежный занос», причастие, ставшее прилагательным, întroienit — «занесенный снегом», существительное troian с основным значением «куча снега». В румынском языке не имеется ни одного глагола и ни одного существительного, которые были бы производными от traian. Это явное доказательство того, что не балканские славяне заимствовали у румын имя Траян, а, напротив, румыны заимствовали его у них. Точной даты заимствования, конечно, нельзя установить. Вероятнее всего, оно имело место в VI в. н. э., т. е. при господстве славян.

Опосредствованное заимствование слова Troian, на которое указал A. Philippide, пользуется признанием и у современных румынских лингвистов. Так, Al. Rosetti утверждает, что славянский язык левого берега Дуная в отношении некоторых латинских слов является посредником

---

[56] L. Niederle. L'antiquités slaves, I. Paris, 1923, стр. 60.
[57] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1958, стр. 191.
[58] Там же, стр. 195.
[59] Al. Philippide. Originea Romînilor, vol. I, стр. 725.

между латинским и румынским языком. Такие румынские слова, как Crăciun (рождество), colinda (коляда), Rusalii (весенний праздник) и troian, не являются прямыми заимствованиями из латинского языка соответствующих слов creatione, calendae, Rosalia и Traianus, а воспроизводят характерные черты слов древнего южнославянского языка: kračun, kolenda, rusaliia, Troian. Некоторые исследователи называют этот старославянский язык берегов Дуная «дако-славянским» языком (Bernstein, E. Petrovici).[60]

Следовательно, тезис французского автора Л. Леже должен быть изменен в том смысле, что, с одной стороны, традиция почитания императора Траяна не могла начаться у даков, предков нынешних румын, а с другой стороны, не может быть речи об обожествлении его, а только о заимствовании имени.

Хотя мы не имеем никаких исторических данных для дако-румын VI—VII вв. н. э., но сохранился как исторический пережиток давних времен термин «rumîn» (румын), означающий человека, говорящего на латинском языке (римлян), и в то же время подневольного, крепостного человека. По традиции с тех пор в русском языке сохраняются названия «румын» и «Румыния», хотя румыны называют себя «ромынами» (romîni), а свою страну — «Ромыния» (Romînia). Славяне находились тогда на положении владык, а румыны в своей массе — в положении полузависимых людей. Естественно, что заимствование и подражание должны были идти от высшего социального слоя к низшему, а не наоборот. Именно таким путем и мог получиться от имени императора Траяна румынско-славянский языческий бог в славянской языковой форме Троян.

Очень возможно, что почва для этого была подготовлена всем предшествующим развитием культуры на Балканском полуострове, в том числе и болгарскими и сербскими сказками о царе Трояне с ослиными или козлиными ушами, как предполагал Ф. И. Буслаев и допускает Н. С. Державин, и что настоящим фундаментом для этих сказок в конечном счете были фригийские сказания, как полагал Вс. Миллер.[61]

Однако здесь необходимо несколько остановиться, чтобы показать, что является приемлемым и что неприемлемым в предположениях Вс. Миллера.

Согласно сербской сказке, приуроченной к развалинам города Трояна на горе Цере, царь Троян с козьими ушами ездил ночью в Срем к своей возлюбленной и возвращался поутру до восхода солнца из боязни быть растопленным им. Когда кони успевали съесть корм, а петухи начинали петь, он отправлялся домой. Однажды муж или брат любовницы вырвал петухам языки, а коням дал песок вместо овса. Из-за этого царь Троян замешкался и на обратном пути был растоплен солнцем (сказка фигурирует в словаре Вука Караджича).

Вс. Миллер возводил эту сказку к фригийским преданиям о царе Мидасе с ослиными ушами.

И так как луна олицетворялась с ослом, а осел в мифологических сказаниях получил фаллический характер, то автор вывел отсюда заключение, что и Троян, заступивший место Мидаса, — лунное и фаллическое божество. «Фригийский царь Мидас, — пишет Вс. Миллер, — получил у южных славян, поселившихся в той местности, где ходили о нем сказания, имя царя Трояна... Работа народной фантазии в создании некоторых песен о Трояне ограничивалась лишь тем, что приурочила черты Мидаса к историческому имени императора Траяна».[62]

---

[60] Al. Rosetti. Influenţa limbilor slave meridionale asupra limbii romîne (sec. VI—XII). Bucureşti, 1953, стр. 25; по первому изданию этой работы (1950) — стр. 32—33.

[61] Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна..., стр. 240—248.

[62] Там же, стр. 247. (Разрядка наша, — *А. Б.*).

Откуда такая уверенность в простом копировании фригийских преданий? Ее не только нет, но, напротив, существуют все основания предполагать, что заимствование коснулось только изображения Мидаса, а не мифологической подоплеки преданий, как это не раз случалось в истории народных литературных заимствований.

Поездки царя Трояна к своей возлюбленной не могут служить доказательством его особых сексуальных свойств, а что касается ушей, то их скрытый мифический смысл в славянских сказках утратился.

В Румынии Троян является очищенным от всяких лунных и фаллических свойств. Можно ли считать это результатом творчества именно румынской народной фантазии? Конечно, нет. Языческая мифология на Дунае сложилась как коллективное дако-славянское творчество, и раз румынский Троян лишен лунных и фаллических свойств, мы должны заключить, что и славяне на Дунае тоже не чтили Трояна как лунное и фаллическое божество.

Следовательно, необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что дако-славянский бог Троян не обладал лунными и фаллическими свойствами царя Мидаса. В этом между ними коренное различие. Произошла не только перемена имени, но и перемена роли.

Заимствованию имени завоевателя Траяна гораздо более подходила бы роль сурового, зимнего бога, чем роль лунного божества.

Эта перемена имени и роли произошла в условиях глубокого взаимного дако-славянского культурного «симбиоза», смешения культуры, в условиях заимствования из других культур лишь подходящих элементов.

Процесс становления бога Трояна растянулся во времени, причем фазы эволюции и трансформации могут быть сейчас намечены только в общих чертах, в виде абстрактной схемы.

Путь этот, насколько позволяют нам судить об этом наши нынешние исторические познания, должен был быть следующим:

1. Заимствование балканскими славянами имени императора Траяна для приспособления его к фригийско-фракийским сказаниям о царе Мидасе, бытующим на Балканском полуострове, с переменой имени одного царя на имя другого «царя», которого здесь хорошо знали, и с коренной переменой роли Мидаса: метаморфоза царя в мифологическое существо (сербские и болгарские сказки).

2. Превращение идеи мифического существа в идею бога и распространение его почитания в общей массе славян и даков.

Указанный выше путь исключает идею обоготворения императора Траяна, как полагал Л. Леже и многие другие. Интересно, что идея дивинизации, по-видимому, не вполне удовлетворяла Леже, так как в более поздней своей работе он смягчил свое категорическое утверждение. Он пишет: «Troian parait une reminiscence danubienne de l'empereur Traian», т е. «Троян кажется дунайской реминисценцией императора Траяна».[63] Это уже ближе к истине, так как означает, что было заимствовано только имя, за которым не скрывался никакой конкретный исторический смысл, не скрывались психо-физические черты императора Траяна, его личность.

В румынском фольклоре мы не встречаем идеи обоготворения римского императора. Для этого у даков и не было оснований. Государство их было разрушено Траяном. Вождь даков Децебал покончил самоубийством Голову его принесли Траяну. Даки попали в подчинение Риму

---

[63] L. Leger Les anciennes civilisations slaves. Paris, 1921, стр. 82.

Когда же на полуострове восторжествовали славяне, уже прошло много времени, сохранилась только слава завоевателя, а страх перед ним давно отошел в прошлое.

8

В румынской исторической и фольклорной литературе имеются только представители мнений о римском происхождении Трояна. Это мнение является как бы communis opinio как среди толкователей фольклора, так и среди переводчиков «Слова». Вообще же для характеристики положения этого вопроса в Румынии можем отметить, что вопрос о Трояне совершенно неразработан.

Имеются два румынских перевода «Слова о полку Игореве»: первый в прозе, сделан А. Пападопол-Калимахом и опубликован Румынской Академией наук в 1885 г.,[64] второй в белых стихах, сделан М. Бенюком в 1953 г. и опубликован в издании «Cartea Rusă» (Русская книга).[65] Эти переводы несоизмеримы. Первый изобилует неточностями и устаревшими выражениями, второй является результатом предварительного добросовестного изучения «Слова» и в общем правильно передает линию рассказа.[66]

Нас интересует в первую очередь перевод того пассажа, в котором говорится о «Деве» и «земле Трояна».

В первой попытке передать содержание этого места смысл его искажен тем, что после выражения «ţara lui Traian» (земля Траяна) вставлено слово «apoi», что значит «потом».[67] И, следовательно, соответствующий текст при обратном переводе надо было бы читать так: «вступила девою на землю Трояню, потом всплеснула лебедиными крылы». Откуда взялось это «потом»? А. Пападопол-Калимах не сомневался, что под именем Троян подразумевается император Траян. В двух местах он ставит знак равенства между землей Трояна и Дакией.[68] Чувствуя географическое несоответствие между Дакией и Доном, он легко выходит из затруднения, вставляя слово «потом».

Второй переводчик также считает, что в выражениях «Слова» о Трояне имеется в виду император Траян и под землей Трояна разумеется Дакия. В отдельных примечаниях, приложенных к тексту перевода, говорится, что выражения «тропа Трояна» и «земля Трояна» «имеют географическо-исторический характер, из которых первое намекает на дорогу или римский вал (насыпь) от Дуная и Днестра до Днепра, а второе — на древнюю территорию Дакии, завоеванную императором Траяном, и в особенности на область, занятую тогда куманами».[69]

Переводчик воспользовался тем, что́ нашел у А. С. Орлова в его издании «Слова». Но это явно недостаточно. В бассейне Днепра много ва-

---

[64] Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediţia lui Igor — Sveatoslavici contra polovţilor. Bucureşti, 1885.

[65] Mihai Beniuc. Cîntec despre oastea lui Igor, traducere cu introducere şi comentarii. Bucureşti, 1953.

[66] М. Бенюк в своем переводе все время называет Дажьбога Даждьбогом. Второе из этих названий упоминается в «Слове» только один раз. Как объясняет Якубинский в «Истории древнерусского языка» (М., 1953, стр. 323), «звук „ж“ в этом названии происходит из „г“, и никаких оснований для написания „жд“ здесь нет». Нет для этого основания и с точки зрения румынского языка, если считаться с тем, что русское «жь» — мягкий звук, а добавление звука «д» ведет к устранению этой мягкости.

[67] Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediţia lui Igor, стр. 159.

[68] Там же, стр. 142 и 159.

[69] Mihai Beniuc. Cîntec despre oastea lui Igor, стр. 54.

лов. Это так называемые Змиевы валы, еще называемые Трояновыми, но сооруженные после императора Траяна.[70]

В северной части б. Подольской губернии и Галиции также имеется Троянов вал, но кем он был насыпан — неизвестно, и можно только об этом гадать.

В Бессарабии, между Прутом и Днестром, находятся два вала, называемые Трояновыми, относительно происхождения которых имеются различные предположения, но одно несомненно, что они сооружены не императором Траяном.

Наконец, в Румынии имеется несколько валов. Один, называемый Трояновым, а также Brazda lui Novac, начинается в 15 км к юго-востоку от Turnu-Severin, тянется под холмами Олтении и Мунтении и кончается у Брэилы. По-видимому, этот вал сделан в IV в. н. э. Константином Великим для обозначения северной границы своих владений.[71] Другой вал, называемый Troianul, сооружен приблизительно в правление Септимия Севера (192—211 гг. н. э.), следовательно, не Траяном.[72] В Добрудже три ряда валов построены разновременно римлянами в течение V в.[73]

Как могло возникнуть одинаковое название валов (Троянов) в совершенно разных местах и откуда могло взяться обилие названий разных местностей с корнем «Троян» в России, Польше, Чехии, Румынии, Болгарии и Сербии, мы показываем дальше.

В соответствии со своей концепцией М. Бенюк объясняет и остальные выражения «Слова»: век Трояна имеет связь с войнами Траяна (101—102 и 105—107 гг. н. э.), под седьмым веком имеется в виду одиннадцатый, и упоминание о седьмом является ошибкой поэта. Как известно, такое предположение (ни на чем не основанное) ведет свое происхождение еще от Н. М. Карамзина.

В конце своего толкования переводчик все же прибавляет: «По новейшим комментариям имя Трояна означает одно из старославянских божеств» (дань добросовестности автора, сторонника римской концепции).

Наконец, чтобы покончить с переводами, сделаем еще одно замечание. «Тропу Трояна» А. Пападопол-Калимах, давая волю полету своей фантазии, толкует как «дорогу через Балканы, через Карпаты, через долины Днестра и Дона».[74]

Не следует удивляться тому, что оба переводчика оказались в плену устаревшей концепции. С одной стороны, они повторяли, что читали у некоторых русских и нерусских авторов (Карамзин, Венелин, Иречек и др.) без критической проверки, с другой стороны, оставались верными старой румынской, траяновской традиции. Эту традицию можно формулировать так: «Раз румыны происходят от даков, которых латинизировал император Траян, завоевав их страну, и раз романизированная Дакия

---

[70] А. В. Лонгинов, ссылаясь на В. Б. Антоновича, полагает, что они сооружены князем Владимиром (св.) для защиты от кочевников (А. В. Лонгинов. «Слово. . .», стр. 76), а Н. П. Барсов предполагает, что вал, тянущийся от Екатеринополя до Буга, был насыпан Болоховцами (Н. П. Барсов. Русская историческая география. Варшава, 1885, стр. 299), т. е. в XII—XIII вв.

[71] D. Tudor. Constantin cel Mare şi recucerirea Daciei traiane. . . — Revista istorică romînă, vol. XI—XII, 1941—1942, стр. 143.

[72] Там же, стр. 145.

[73] R. Vulpe. Valurile romane din Dobrogea. — Studii şi cercetări istorice, vol. XVIII. Iaşi, 1943, стр. 87—89.

[74] Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediţia lui Igor. . ., стр. 153, примечание.

превратилась с течением времени в Румынию, то всякое упоминание о Трояне или Траяне должно означать реминисценцию старых времен и императора Траяна».

Поэтому для нас должно стать понятным, почему авторы румыны, изучавшие древнюю румынскую мифологию, невольно поддавались искушению *связывать все следы языческого бога Трояна с именем хорошо известного* им императора Траяна.

9

Хотя траяновская традиция нашла свое отражение уже у румынских летописцев Григория Уреке и Мирона Костина в XVII в.,[75] некоторые приводимые ниже данные из области румынской литературы по интерпретации фольклора покажут нам, что главным образом фольклористам, как это ни странно, мы обязаны проведением и утверждением знака равенства между Трояном и императором Траяном.

В 1885 г. в Румынской Академии наук известный румынский писатель и ученый Богдан Петричейку Хасдеу (Bogdan Petriceicu Hasdeu) предложил Академии провести среди крестьянского населения опрос для установления реального круга народных поверий. В вопроснике под № 140 значилось: «Как называется беловатая полоса ночного неба (Млечный Путь), которую некоторые называют путь Трояна, и что рассказывается об этом?» Это предложение осталось тогда без результата, но в начале нашего века частные лица собрали кое-какой материал и несколько авторов опубликовали свои работы с интерпретацией материала, как например Tudor Pamfilie, I. Otescu, Aurel Cosma, Iuliu Zanne и др.[76]

На вопрос о Трояне и пути Трояна давались разнообразные ответы. *По большей части авторы, находившиеся под влиянием собственных исторических* концепций (в стиле упомянутой нами выше традиции), ответам из крестьянской среды давали толкование в смысле связи с именем императора Траяна. В этой своей интерпретации некоторые доходили до слащаво-сентиментальных утверждений. I. Otescu, например, писал, что «римские легионеры христиане, оставшиеся в Дакии, любили Траяна как отца, чем и объясняются легенды о Траяне». Очень часто, ссылаясь на своих корреспондентов, они при слове «Троян» добавляют «или Траян» (sau Traian).[77] Следовательно, все ссылки на Траяна имеют более или менее привнесенный, авторский характер.

---

[75] M. Kogălniceanu. Cronicele Romînili, vol. I, 1872, стр. 131 и 21.

[76] Tudor Pamfilie. 1) Cerul si podoabele lui după credințele poporului romîn. București, 1915; 2) Mitologie romînească. Dușmani și prieteni ai omului. București, 1916; 3) Văzduhul după credințele poporului romîn. București, 1916; I. Otescu. Credințele țăranului romîn despre cer si stele. București, 1907; Aurel Cosma. 1) Mythologie roumaine. Bucarest, 1942; 2) Cosmogonia poporului romîn. București, 1942; 3) Lumea spiritelor. Din credințele poporului romîn. București, 1943; Iuliu Zanne. Proverbele Romînilor, vol. VII. București, 1901; D. Teodorescu. Incercări critice asupra unor credințe, datine si moravuri ale poporului romîn. București, 1874; Marienescu. Cultul pagîn si creștin. 1884; A. Gorovei. 1) Zmei si zîne. București, 1909, 2) Credințe si superstiții ale poporului romîn. București, 1915; Densușianu. Tradiții si legende populare. București, 1910; Rădulescu-Codin. Legende, tradiții si amintiri istorice, adunate din Oltenia. București, 1910; L. Șăineanu. Basmele romîne în comparație cu legendele antice istorice si in legătură cu basmele popoarelor învecinate. Studiu comparativ. București, 1895; Beza Marcu. Paganism in Roumanian Folklore. London, 1928.

[77] Например: I. Otescu. Credințele țăranului romîn despre cer si stele, стр. 48—49.

Но вместе с тем ни в одном из крестьянских ответов Троян не назван богом или хотя бы демоном, бесом. Отсюда следует, что сохранилось слово, но утрачена сущность явления. Смысл его испарился из народного сознания. И это в то время, когда другие божества, например Ладо, Мано, Лель, сохранились в народной памяти,[78] а Лель перешел даже в обиходный язык: в обращении к старшей сестре или к старшей по возрасту женщине употребляется выражение «lele», а «copil de lele» означает «внебрачный ребенок».

Конечно, не исключена возможность, что и некоторые крестьяне, зная из начальной школы об императоре Траяне, ставили название Млечного Пути (о чем ниже) в связь с императором Траяном. Все же всегда на первом месте во всех ответах неизменно стоит «Троян», а не «Траян».

К сожалению, писавшие по этому вопросу не опубликовали самых материалов в том сыром виде, в каком они приходили из крестьянской среды, а представили их только в своем толковании, чем, конечно, значительно умалили ценность произведенной ими работы. Насколько сильна модернизация и, да позволено будет сказать, субъективация материала, видно на примере истолкования Млечного Пути.

В этом отношении очень характерен I. Otescu, чья работа о крестьянских поверьях, связанных с небом и звездами, была напечатана Румынской Академией в 1907 г.

Мы читаем у него, что Млечный Путь называется вообще «Troian» или «Troianul cerului» (Троян неба), «Troianul ceresc» (Небесный Троян).[79] При этом он объясняет, что не идет речь о снежном сугробе, но что название объясняется белизной Млечного Пути, напоминающей снег. «Народ ведь называет „troian"ом» не только снежные сугробы, но «и все старые пути, а также древние валы».[80]

После такого разъяснения можно было бы ждать, что Млечный Путь будет назван, согласно крестьянским показаниям, «Трояновой дорогой» или «Трояновым путем». Вместо этого мы находим у автора «дорога императора Траяна (drumul lui Traian), или дорога рабов». Следует объяснение, связывающее эти понятия: в древности население было уведено в рабство в страну на западе и юге; когда оно освободилось от рабства, бог указал им на небе путь для возвращения в отечество. Автор заключает при этом: раз говорится о юго-западе, значит речь идет о Риме и об императоре Траяне!

После этих объяснений, стоящих на первом месте и так или иначе связанных с императором Траяном, автор переходит к другим толкованиям, но прибавляет, что, по его мнению, они были придуманы позднее, а именно: 1) Млечный Путь указывает, по какому пути может идти освобождение рабов, 2) с помощью Млечного Пути рабы могли быть уведены очень далеко, 3) по этому пути войдут в небесное царство все те, кто был рабом на земле, 4) этот путь исчезнет, когда исчезнет на земле рабство, 5) Млечный Путь является путем всех людей, рабов божьих, идущих на страшный суд, 6) по этому пути идут души покойников в рай.

Интересно, что другой автор — I. Zanne — дает несколько иное объяснение дороге рабов (drumul robilor).[81] Эта дорога была указана богом

[78] Gaster. Crestomația romînă, vol. II. 1911, Glosar, слово «lelea» и стр. 50—53. У него значится следующее: «Lelea numele zeităţii slavone şi romîne, de aci vine si lele si leliţa». В переводе: «Леля — имя славянского и румынского божества, отсюда происходят слова „lele" и „leliţa"». В колядах рефрены ler doamne» производны от богини Lelea, а по-русски Лель.

[79] I. Otescu. Credințele țăranului romîn despre cer si stele, стр. 48—49.

[80] Там же, стр. 50.

[81] Iuliu Zanne. Proverbele Romînilor, vol. VI. Bucureşti, 1900, стр. 567, № 10628.

для тех, кто освобождался от рабства язычников, в том числе для молдован, освобождавшихся от татар; следовательно, речь идет о востоке, а не о юго-западе (и не о Риме)!

Наконец, третий автор — Tudor Pamfilie, — тоже достаточно сильно проникнутый траяновой традицией, дает следующие наименования Млечного Пути: дорога рабов, путь Трояна или Траяна, Млечный Путь, дорога слепых, уворованная цыганом солома, путь хромых, светлый пояс неба.[82] Этот путь имеет своим назначением указать дорогу домой тем, кто был уведен в рабство татарами или некиими чудовищами, называемыми Сăрсîni или Сăрсăuni (с песьими головами). Некоторые думают, прибавляет автор, что речь идет о рабах, взятых Траяном. Следовательно, как и у предыдущего автора, здесь говорится о востоке (а не о юго-западе) или не дается локализации совсем.

Вот три мнения, каждое со своими особенностями и оттенками, отражающими мотив освобождения от рабства и скрытую надежду, что только бог может развязать земные узы угнетения. В то же время в этих названиях отражаются и те несчастья, которым подвергался народ во время вражеских нашествий.

Несомненно, что основными названиями Млечного Пути являются два: «путь Трояна» и «небесный Троян».

Нужно думать, что все остальные названия, не связанные с упоминаниями о Трояне, являются позднейшими, последующими наслоениями на первоначальном фоне «пути Трояна», являются, так сказать, христианизацией первоначально языческого наименования. Они выдают тенденцию осмыслить название Млечного Пути в историческом плане, в исторически известных понятиях, тогда как настоящий смысл выражения, его древнейший религиозный смысл ко времени производства опроса населения уже был утрачен.

Названия «путь Трояна», «небесный Троян» идут из глубины веков. К пониманию их надо найти ключ, который дал бы возможность выяснить историческую роль бога Трояна, его роль в жизни ранних славян и даков. Об этой роли можно будет судить по смыслу сохранившихся в румынском языке слов, производных от корня «Troian».[83]

10

В румынском языке переходные глаголы a troieni и a întroieni означают «заносить», «покрывать снегом», «образовывать, нагромождать кучи снега» В переносном смысле эти глаголы означают: 1) «наносить кучи чего-нибудь», «заносить», «нагромождать», «покрывать», «заволакивать» и 2) «белить», «делать белым, седым». Примеры для первого смысла: troieni-va teiul floarea-i peste noi (Еминеску) — «липа занесет нас множеством своих цветов»; pe drumeţ l-a troienit uitarea (Топырчяну) — «прохожий был забыт (покрыт забвением)»; gînduri troienite (Кожбук) — «покрытые забвением

---

[82] Tudor Pamfilie Cerul si podoabele lui după credinţele poporului romîn, стр 188.

[83] Ниже даем объяснение этих слов по а) тексту, подготовленному для «Словаря современного румынского языка» (Dicţionarul limbii romîne contemporane), издаваемого Академией наук Румынской Народной Республики (выпущены в 1955 и 1956 гг. первые два тома из намеченных четырех); б) по проекту текста, приготовленному Академией до напечатания упомянутого выше Словаря и неопубликованному; в) по словарю Академии наук 1940 г. (Dicţionarul limbii romîne, т. I, partea I, si II); г) по известному словарю T. A. Candrea· Dicţionar enciclopedic ilustrat; д) по словарю L. Şăineanu: Dicţionar universal al limbii romine, изд. 5, 1925 («Scrisul romînesc»).

мысли». Для второго смысла: necazurile troienesc si îmbărînesc fără de vreme — «огорчения убеляют нас сединой и преждевременно старят». В своей возвратной форме упомянутые глаголы означают «быть занесенным снегом», «иммобилизованным среди снежных заносов». Любопытно, что румынские писатели, употреблявшие в своих произведениях эти глаголы, часто связывали их с понятиями о тропинках и улицах. Так, например, Еминеску пишет: «viscolul troienind cărările» — «вьюга заносила тропинки»; Камилл Петреску пишет: «Viscolul troenise străzile» — «вьюга заносила улицы». В этом, конечно, нет ничего удивительного: снегопад логически связан с уничтожением дорог.

Перейдем к существительному troian (мн. ч. troiene), с определенным артиклем troianul (мн. ч. troienele) среднего рода. Это слово означает: 1) земляной вал, сделанный в виде насыпи древними народами в целях защиты (народ привык называть его трояновым); 2) большое количество снега, сугроб; 3) (переносный смысл) любая громада чего-нибудь, груда, куча; 4) (в Банате) улица, дорога, путь; 5) Млечный путь называется Троян, Троян неба, небесный Троян; другие его названия: дорога рабов, дорога слепых, дорога хромых, дорога цыгана, цыганская солома, молочный путь, светлый пояс неба; 6) (в Олтении) тропинка между стогами сена; 7) следы, оставляемые колесами повозки, лошадиными копытами на проезжей дороге или санями на снегу (санный путь); 8) дорожка, протоптанная дикими животными; 9) длинный след, оставляемый потоками воды после половодья; 10) украшение на полотне в виде змеевидной линии; 11) (в Трансильвании) луг, пастбище (а по немецко-румынскому словарю Bărceanu — weite Wiese, т. е. «широкий луг»); 12) масса в движении, например troiene de popoare în istorie — «масса народов в историческом процессе». Слово troian употребляется и для выражения обстоятельства образа действия, например zăpada a crescut troian — «снег вырос в огромную кучу».

Как уже было сказано выше, от упомянутых глаголов имеются отглагольные существительные и причастия, получившие значение прилагательных.

Приступая к разбору этого материала, прежде всего отметим, что семантически все приведенные выше слова имеют теснейшую связь со снегом. Поэтому смысл, фигурирующий на первом месте, фактически является переносным. Любопытно, что для обозначения большого количества снега румынами заимствовано у славян и слово lavina, означающее «лавина», «снежный обвал», «занос», «завал».

Особое внимание привлекает к себе пятый смысл, где Млечный Путь назван Трояном. Повторим то, что сказано было об этом выше: основной, древнейший смысл связан с именем Трояна, остальные же названия являются позднейшими легендами, домыслами, вытекающими из стремления придумать несуществующую связь. Если бы вместо обилия названий существовало, кроме Трояна, еще только одно, скажем дорога рабов, то можно было бы еще предполагать какую-то связь между Трояном и этим названием. Но с ним конкурирует и масса других названий, которых уже никак нельзя увязать с Трояном. Отсюда следует вывод, что все легенды и названия, связанные с Млечным Путем, являются результатом целого ряда исторических напластований, появившихся и кристаллизовавшихся в разное время на основном, первичном фоне, каковым является Троян. Иногда заметна попытка связать разновременные явления, иногда они остаются параллельно и независимо друг от друга существующими.

Одной из таких поздних легенд является и легенда о цыгане, уворовавшем у своего соседа солому и по недосмотру разбросавшем ее по дороге домой. В осуждение этого аморального поступка и в назидание всем на

небе проведена белая полоса Млечного Пути. Аналогичная легенда существует и у болгар; но у них она получила более модернизованный характер: чтобы навсегда осудить безнравственный поступок, соломинки были превращены в звезды.[84] Здесь уже видны элементарные астрономические познания, которые и доказывают ее позднейшее происхождение.

Другое обстоятельство, обращающее на себя наше внимание в перечне значений, это связь слова troian с понятием о пути, дороге, дорожке, тропе, проталине. Разумеется, и следы, оставляемые на дороге колесами, санями, копытами и пр., говорят о дороге и тесно связаны с этим понятием. И упоминание о народных массах в историческом движении также предполагает известную линию развития, некоторое понятие проходимого пути.

Наконец, третий признак, обращающий на себя внимание, это белизна.

Итак, после расчистки смыслового значения слова troian и производных от него от всего наносного, случайного, позднего и излишнего, мы получим для корня «Троян» следующие основные значения: 1) снежная масса, 2) дорога и 3) (в переносном смысле) элемент белизны.

Семантика слова «Троян» станет совершенно понятной, только если мы предположим, что существует сила, от которой зависит снегопад, метели, снежные бури и заносы, от которой зависит замести все следы человеческого передвижения, все пути, дороги и тропинки. Эта сила должна была казаться древним народам грозной, страшной, а эффекты ее разрушительного действия должны были повергать в трепет.

M. A. Ubicini писал в 1858 г.: «Румыны не могут ни на небо смотреть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть без того, чтобы не представить себе при этом Трояна». Разумеется, таким страшным мог быть только бог Троян.[85]

Лето, как символ плодородия, должно было казаться началом положительным, а зима — отрицательным явлением. Надо было умилостивлять эту грозную силу и в то же время рассчитывать на победу лета над зимой, солнца над мраком. Расчет должен был делаться на вечную борьбу между богом солнца и богом снегопада.

В примитивном представлении должен был существовать бог снегопада и дорог, подобно тому как в языческом представлении существовал бог света, солнце-царь Сварог, сын его Сварожичь, бог солнца, именуемый Дажьбог, Хорс, Волос, бог грома и молнии Перун, превратившийся позднее в святого Илью, бог ветра Стрибог, боги весеннего солнца, похоти, любви и плодородия: Авсень, Овсень, Товсень, Таусень, Тур, боги любви, веселья, женитьбы, утешения: Ладо, Лель, Ярила, Купала, а специально у румын, кроме Ладо и Леля, еще Калоян и Скалоян.

У западных славян в такой роли подвизались Триглав и Поревит (пятиглавый по числу зимних месяцев). Таким же богом, как они, был у славян на Дунае и у даков, а впоследствии у восточных славян и у румын Троян. Это он провел на небе полосу, посыпав ее снегом, это он разделил небо надвое белой дорогой, белизну которой народы, забыв о боге Трояне, стали потом объяснять разными неподходящими понятиями или подменивать его на императора Траяна, т. е. одну сущность другой.

---

[84] Lidia Schischmanof. Legendes religieuses bulgares. Paris, 1896, стр. 4—5.

[85] M A Ubicini. Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction. Paris, 1858 (цит. по: Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 380). К этому Е. В. Барсов добавляет: «Нет сомнения, что такой живостью представлений Трояна они обязаны имени императора Траяна». Вывод крайне наивный. Можно ли себе представить, чтобы страх перед историческим лицом (Траяном) мог сохраняться в населении в течение стольких веков? Другое дело, чувства к верховному существу — богу.

Ни откуда не видно, чтобы Троян в своей последней метаморфозе божества был богом подземного царства. Он не был дьяволом, сатаной, бесом. Как правильно отметил Н. С. Державин, «Перун, Хорс, Троян и Дый» были первостепенными языческими богами.[86]

Сатана — это антипод единого христианского бога и, следовательно, относится к периоду полной победы христианства над язычеством. Как известно, христианские проповедники, не будучи в состоянии искоренить в населении веру в языческих богов, создали компромисс между язычеством и христианством, допустив дальнейшее существование богов в качестве бесов.[87]

Сатана — понятие христианской, а не языческой идеологии. Только после наступления полного заката языческих богов, только в позднейшей стадии их существования языческий бог мог быть превращен в сатану или беса. Эта стадия, логически вполне допустимая, для Трояна нигде и ни в чем не обнаруживается.

11

Начатки славяно-русской мифологии были заложены на юге, на Дунае, во времена дако-славянского сожительства. Подавляющая масса восточнославянских языческих богов южного происхождения.

Нигде не имется столь многочисленных следов почитания бога Перуна, как в Болгарии, где он сохраняется даже в мужских и женских именах, равно как и в топонимии.[88]

Дый, несомненно, Dies pater, Зевс, Юпитер.[89]

Сварог — греческий Гефест, а сын его Гелиос — бог солнца, именуемый Дажьбогом, внуками которого считался русский народ.[90]

Почитание Хорса было очень распространенным в средней Европе, и, вероятно, он был южного происхождения, как полагал анонимный автор XVI в.[91] Нет надобности предполагать, как это сделал А. С. Фаминцын, что Хорс для русских иноземный бог, вывезенный из Прибалтики.[92] Если значительное количество других богов было заимствовано с юга, то почему бы не мог быть заимствован наряду с ними и Хорс?!

В связи с этим мы вспоминаем и мнение И. Забелина, который считал имя Хорса древнеперсидским: Кирос, Корос, Курос,[93] а в одном анонимном произведении XVIII в., имевшем циркуляцию в Румынии, он назван Curşa (Курша).[94]

Троян, Коляда, Русалки тоже, как мы видели, южного происхождения.

---

[86] Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 138.

[87] Вполне справедливо отмечает Н. М. Никольский: «Византийские проповедники, видя тщетность убеждений... пошли на уступки: они признали реальность существования всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам, и признали святость традиционных мест и сроков культа, выстраивая храмы на месте кумиров и назначая христианские праздники приблизительно в те дни, к которым приурочивались ранее языческие» (М. Н. Покровский (при участии Н М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1913, стр. 178).

[88] Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 135—136. См. также: L. Leger La mythologie slave, в. I. Paris, 1901 стр. 28—29: Перун — славянский Зевс.

[89] А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, СПб., 1884, стр. 123—126. См. также: Pierre Lavedan. Dictionnaire illustré de la mythologie et des antiquités Grecques et Romains. Paris, 1931, стр. 1030—1032 для Зевса и 563 для Юпитера.

[90] А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, стр. 143—146.

[91] Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 1004.

[92] А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, стр. 202 и сл.

[93] И. Забелин. История русской жизни, ч. II. М., 1879, стр. 291.

[94] Манускрипт носит название «Învăţătura pe scurt în potriva multor rele închipuiri» и напечатан в книге: Gaster. Crestomaţia romîna, vol. II, 1911, стр. 50—53.

Все пути языческого богопочитания ведут к югу, на Балканы, к тому времени, когда славяне играли здесь первенствующую политическую роль, но с точки зрения культурной подпали под сильное влияние Рима вместе с окружающим их населением. Здесь, в VI и VII вв. н. э. даки, будущие румыны, совместно со славянами проходили общую историческую линию развития родового строя, а затем в последующие века совершали переход к раннему феодализму. В конце IX в. н. э., когда венгерские племена поселились на нынешней территории Венгрии, «они нашли у живших там славян готовые политические учреждения раннефеодального государства».[95] Несомненно, румыны прошли через родовой строй, от которого у них осталось в праве и быте очень много следов, и это произошло во время славяно-дакского сожительства.

12

Разделившись на разные ветви, балканское славянство унесло с собой на новые места многое из того, чем оно духовно жило на Дунае, примыслив к этому вынесенному оттуда богатству в новой обстановке и кое-какие новые понятия в соответствии с новой географической и исторической средой.

Именно этой религиозной языческой основой балканской культуры объясняется поразительное сходство, наблюдаемое между мифологией восточных славян и мифологией румын. Подавляющая масса языческих верований является общей для тех и других. Троян — не изолированное явление, он только часть общего дако-славянского языческого наследства.

К сожалению, освещение этого вопроса потребовало бы еще много места и слишком расширило бы рамки и без того разросшегося очерка. Поэтому в данный момент можно ограничиться только перечнем общих верований. Они следующие: святое солнце, святая луна, семь небес, оборотничество (у румын vîrcolac, у русских волкулак, или вркодлак),[96] злые феи (у румын rusalii, у русских вилы и русалки), феи — предсказательницы судьбы человека (у румын ursitoarele, у русских рожаницы), персонификация счастья и несчастья (у румын Noroc и Piaza rea, у русских Доля и Недоля), домовой (у румын spiriduşul и şarpe, у русских домовой и змеи),[97] бог грома и молнии (у румын — поздний отголосок в лице св. Ильи, у русских Перун), боги плодородия и сексуальной жизни (у румын Калоян и Скалоян,[98] а также paparuda или papaluga, у русских Ярила, Купала и др., обряды общи не только румынам и русским, но и грекам), богиня любви, женитьбы, счастья, веселья (у румын Lado, Lele, у русских Лада, Лель, Полель и др.), бог зимнего солнцестояния (у румын Colinda, у русских Коляда), почитание предков (у румын весенние поминки, у русских навье, навий день, радуница), вера в Харона, леший (у румын moşul codrului, mama codrului, păduraru1, păduroaica, у русских леший), водяные божества (у румын stima apei, у русских водяной и морская царица) и многие другие поверья.

---

[95] М. А. Павлушкова. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII веках. Средние века. VI. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 56.

[96] Ф. Буслаев. Лютичи, Вильци и Волчки. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 12.

[97] Славяне-язычники почитали змей своими домашними богами; в Литве и Польше они тоже считались домашними пенатами (Переселение фракийских племен за Дунай и даже на север. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 96; см. также: Tudor Pamfilie. Mitologia romînească. Duşmani şi prieteni ai omului, стр. 77).

[98] Marcu Beza. Paganism in Roumanian folklor. London, 1928, стр. 32—36. См. также краткое изложение доклада: G. Ivanescu. Influenţe slave şi bizantine în folclorul romînesc si în limba romînească. — Studii si cercetari de istorie literară şi folclor, t. II, 1953, стр. 249—250.

Среди главных языческих поверий румын выделяются некоторые, для которых, как кажется, нельзя найти соответствия у русских, а именно: вера в особые существа с песьей головой под названием cărcîni или căr-căuni, вера в особых людей подземного царства под названием blajini, вера в особые существа, связывающие дожди, из-за чего они не идут, под названием strigoi и другие существа, помогающие св. Илье побеждать первых, под названием moroi.

У румын ветры были в распоряжении особых фей, сходных с русалками и называвшихся iele, vîntoasele, şoimanele, joimarişele,[99] у русских этих фей заменял бог ветров Стрибог.

Интересно отметить еще и то обстоятельство, что, по-видимому, румыны верили и в Дажьбога, так как один из видных сотрудников Стефана Великого (1457—1504), господаря Молдавии, носил имя Дажьбога.[100]

Итак, мы видим, что даки, побежденные Римом и затем подпавшие под сильное влияние дунайских славян, совершили переход от своей первоначальной религии примитивного монотеизма времен короля Децебала к полному анимизму. Все явления природы: солнце, луна, солнечные затмения, лес, вода, ветер, дождь, гром, молния, смена времен года, человеческая судьба, семейные и личные горести или удачи, переход в потусторонний мир — все объяснялось сверхъестественными силами.

В подавляющем большинстве боги и добрые и злые духи были теми же, что и у восточных славян.

Среди многочисленных славянских и румынских языческих богов одно из первых мест принадлежало богу зимы, снегопада и дорог — Трояну.

Одно время сложилось обыкновение, чтобы не сказать мода, относить сходство верований двух народов арийского корня на счет их общего индо-европейского происхождения.

В настоящее время к такого рода ссылкам прибегают очень редко по причине крайней относительности сведений об индо-европейских верованиях. Эта относительность объясняется тем, что метод составления представлений об этих верованиях отправляется от верований индо-европейцев, уже разделившихся на отдельные ветви, в особенности от верований греков и римлян (генеалогическая или лингвистическая школа сравнительной мифологии), или от данных первоначальной религии Индии,[101] и, таким образом, заключения делаются от более поздних явлений к более ранним, что не всегда убедительно.

Сами исследователи индо-европейских народов признают, что «верования, кажущиеся общим наследием индо-европейских народов, могут быть и общим заимствованием у иноземцев»,[102] и предостерегают против некритической ссылки на индо-европейские верования. О. Шрадер пишет: «Не следует приписывать духу первобытного времени те позднейшие идейные представления, которые впоследствии были связаны со словами лат. deus,

---

[99] Основная работа по этому вопросу: Lazăr Şăineanu. Ielele. . , Bucureşti, 1886. По предположению румынского лингвиста Г. Иванеску, iele фракийского происхождения, что представляется очень возможным. Вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

[100] Documentele privind istoria Romîniei, veacul XV. A Moldova, vol. II (1476—1500). Bucureşti, 1954, стр. 6, документ от 4 марта 1479 г. пану Дажьбогу, администратору уезда Нямц (Neamţ). Предположение не незыблемо, так как Стефан Великий подбирал себе сотрудников из лиц разной этнической окраски, и Дажьбог из Нямц мог быть одним из «дажьбожьих внуков», т. е русским. Во всяком случае Дажьбог был известен в Молдавии.

[101] Max Müller. Nouvelles études de mythologie. Paris, 1898, стр. 131.

[102] О. Шрадер. Сравнительное языковедение и первобытная история СПб , 1886, стр. 468. (Перевод с немецкого издания 1883 г.).

литовск. diêwas и древнеинд. dèwà у различных народов в позднейшее время».[103]

Max Müller допускает возможность, что надежда восстановить арийскую мифологию, пользуясь методом от последующего к предыдущему, «окажется иллюзорной».[104]

В другом своем произведении тот же автор указывает, что если в ведийских гимнах слово dèwà мы стали бы передавать словом deus, мы допустили бы «анахронизм в тысячу лет».[105]

В общем, по вопросу об арийских верованиях сравнительная мифология до сих пор еще находится в периоде исканий. Метод ее не дал еще надежных результатов.

Во всяком случае и численность индо-европейских богов и культов, относительно которых между индо-европеистами существует полное согласие, невелика. Это: 1) вера в души усопших, 2) культ неба (Varouna, Ouranos), 3) культ огня (Agni) и 4) почитание матери — Земли (Prithvi). К этому перечню одни прибавляют: 1) пастушьего бога, бывшего одновременно и богом дорог и тропинок, и 2) неизвестную по своей функции богиню утренней зари,[106] другие — пару богов Ашвин, относительно которых «неизвестно, что понимали под этими божествами древние арийцы»,[107] но существует предположение, что это братья-близнецы, «внуки» Dyaus — божества неба, создателя мира.[108] Третьи говорят о боге солнца и боге у грома и дождя (Indra).[109] Однако же известно, что бог грома и дождя в начальной своей стадии был тождественен с богом неба,[110] и весьма вероятно, что в начале и бог солнца совпадал с богом неба.

При таком положении вопроса об индо-европейских верованиях мы вправе утверждать, что сходство румынских и русских языческих верований, иногда прослеживаемое до деталей, не может быть случайным явлением или результатом общего индо-европейского происхождения, а объясняется взаимным румынско-славянским влиянием и общей, при совместном жительстве, выработкой верований.

13

При решении вопроса о Трояне авторы, писавшие по этому поводу, строя свои теории, имели в виду все четыре загадочных места «Слова» о Трояне. Поэтому объяснения этих мест тесно связаны у них с общими предпосылками и развитием теорий и падают одновременно с падением защищаемых ими воззрений.

Подведем краткие итоги объяснений.

Под веками различные авторы разумеют или века от покорения Дакии («римское» течение), или века бога Трояна, предшествовавшие векам русских князей или совпадавшие с веками этих князей («русское» течение), или, наконец, просто века господства бога Трояна над верившим в него населением («дако-славянское» течение).

---

[103] О. Шрадер. Индо-германцы. СПб., 1913, стр. 186. (Перевод с немецкого издания 1911 г.).

[104] Max Muller. Nouvelles études de mythologie, стр. 131.

[105] Max Müller. Origine et developpement de la religion etudiés à la lumière des religions de l'Inde. Paris, 1879, стр. 181.

[106] Krappe. Mythologie universelle. Paris, 1920, стр. 51.

[107] М. Ковалевский. Социология. СПб., 1910, стр. 16.

[108] Max Müller. Nouvelles études de mythologie, стр. 102 и 407.

[109] О. Шрадер. Сравнительное языковедение. . ., стр. 459—463.

[110] Krappe. Mythologie universelle, стр. 51.

Так как существовало желание приурочить седьмой век ко времени князя Игоря, то сначала было решено, что автор «Слова» допустил ошибку в счете, поставив седьмой вместо одиннадцатый.

Н. С. Державин считает седьмой век от «падения римского владычества в Киево-Дунайской области». В результате крайнего расширения границ римского владычества, мы тем самым вступаем в область совершенно расплывчатых понятий. Кроме того, почему счет веков должен идти от падения римского владычества, если самое имя Троян славило императора Траяна?

До чего доходила иногда изобретательность в объяснении слова седьмой, видно по тому, что появилось было предложение Н. Головина считать век не по 100 лет, а по 160 лет (народный счет сороков), чтобы, считая от покорения Дакии Траяном (102 г. н. э.), вышел одиннадцатый век, т. е. время князя Игоря и других русских князей.[111]

Е. В. Барсов предложил считать седьмой век от начала выступления славян на всемирно-историческом поприще, т. е. с конца V в. н. э. Но при этом автор прибавил: «Мы не стоим за это: число семь, по всей вероятности, имеет скорее эпическое, а не историческое значение». «Века и седьмой век не могут быть объяснены лицом историческим: не бывало народа, который вел бы свое летоисчисление от враждебного себе лица, от завоевателя и угнетателя».[112]

Если бы понятие о седьмом веке было чисто историческим понятием, то, разумеется, ближе всего к истине должен был бы быть именно Е. В. Барсов. Но, как видим, и он сомневается в этом, чувствуя, по-видимому, искусственность как предложения других авторов, так и своего собственного.

Вся эта искусственность совершенно излишня. Троян — это бог, и у него свой собственный счет веков.

Века — это время господства бога Трояна, а седьмой век получил правдоподобное истолкование у Д. С. Лихачева.[113] Седьмой определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч существования мира, семь дней недели, семь человеческих возрастов и т. д. К этому прибавим семь рогов Агнца, семь цветов радуги, семь светильников (по Апокалипсису), семь дней плача по богу Адонису (у евреев) и веру в семь небес (высший ярус неба принадлежит самому богу, в то время как остальные — сонму подчиненных ему существ). Остатком этого верования является сохранившееся до сих пор в русском языке выражение «быть на седьмом небе», т. е. наверху счастья, блаженства.[114]

Земля Трояна — это земля, на которой почитается бог Троян, и в первую очередь Русская земля.

Что касается тропы, то в литературе предмета существуют самые разнообразные предположения.[115]

---

[111] М. А. Максимович. О значении имени Троян , стр. 429.

[112] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. I, стр 384 и 378.

[113] Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», стр. 23.

[114] Толковый словарь русского языка под ред проф. Д Н Ушакова, т II М, 1938, «Небо», стр 478.

[115] К сожалению, у меня не было возможности познакомиться с статьей А. И Яцимирского «Тропа Трояна» в «Трудах Славянского комитета Московского Археологического общества» (серия «Древности», III. М., 1902, стр. 119—125), о которой дан весьма суровый отзыв Н. С. Державиным в его исследовании о Трояне (Н. С Державин Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 59).

Так, под тропой некоторые авторы «русского» течения понимают исторический путь Русской земли, начиная со времени трех братьев-князей. Е. В. Барсов, раскрывая общий смысл понятия о тропе (дорожка, проторенная следом скота или человека), формулирует затем и определение тропы Трояна — это путь князя Игоря по безводным местам, представлявший необычайный подвиг.[116] Н. М. Карамзин и М. А. Максимович под тропой Трояна понимали Via Trajani, т. е. дорогу через Малую Валахию.[117] М. С. Дринов считал тропой Трояна ров, вырытый вдоль Троянова вала в Румынии. Н. С. Державин производил «тропу» от «Troraeum Traiani».[118] Наконец, А. С. Орлов дает альтернативную сводку нескольких представлений о тропе Траяна.[119] Это или дорога по ущелью Балкан, проложенная Трояном, или вал от Дуная и Днестра до Днепра, или проложенная тут дорога, о которой в одном словаре около 1670 г. сказано «Traian-via strata».

А. В. Лонгинов, как мы видели, дает двойное понятие тропы: 1) путь, проторенный в ратях Ярославичами, и 2) путь господний, божеский, параллельный первому.

С нашей точки зрения, в свете приведенных выше соображений становится понятным выражение «тропа Трояна». Тропа — дорожка, проторенная следами человека или скота, а более широко путь, дорога. В польском языке trop — «след», «тропинка». Но тропа Трояна — это не конкретная тропа, которую следует отыскивать и локализовать. Это путь бога Трояна, бога дорог, божья тропа, аналогичная вечной стезе, тропа в том смысле, в каком говорится «Пути господни неисповедимы». Жизненный путь славян (и румын) находился во власти Трояна. Выражение «Боян рыщет по тропе Трояна» означает либо что он, предаваясь поэтическому вдохновению, обегает мыслью божественные пути Трояна, либо, что вернее, он пытается угадать пути верховного распорядка, начертанного Трояном, иначе говоря, прочитать будущее в книге судеб русского народа

14

Гипотетическое установление на основании румынских лексических данных функциональной роли бога Трояна как зимнего божества, божества снегопада и дорог влечет за собой два важных вывода.

Первый: принимая во внимание общий дако-славянский характер этого верования, бог Троян играл для русских, вероятно, ту же функциональную роль, что и для румын.

Второй: румынские лексические данные, раскрывая настоящий смысл некоторых выражений о Трояне, содержащихся в «Слове о полку Игореве», тем самым косвенно оправдывают подлинность этого литературного монумента.

Язык — естественное явление, результат массового творчества, сохраняющийся веками. И он в данном случае оказался ценным показателем достоверности «Слова». Вот еще новое звено в цепи доказательств подлинности «Слова» и новый аргумент против недоверия скептиков!

---

[116] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. 1, стр. 382.
[117] М. А. Максимович. О значении имени Троян..., стр. 428.
[118] О мнении М. С. Дринова и Н. С. Державина см. выше (стр. 14—15).
[119] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 93—94.